

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 6, Pp. 1352–1372, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.157

Фонетические и лексические особенности абыйского говора якутского языка (по полевым материалам)

*Нинель Васильевна Малышева¹,
 Валерия Сергеевна Борисова²,
 Нина Васильевна Турантаева³,
 Алина Петровна Васильева⁴*

Phonetic and Lexical Features of Abyisky Yakut: Analyzing Field Data

*Ninel V. Malysheva¹,
 Valeriya S. Borisova²,
 Nina V. Turantaeva³,
 Alina P. Vasileva⁴*

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 58, ул. Белинского, 677000 Якутск, Российская Федерация)

доктор филологических наук, доцент, профессор, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-6358-4256. E-mail: ninel_malysheva@mail.ru

¹ Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)

Doct. Sc. (Philology), Associate Professor, Leading Researcher

² Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 58, ул. Белинского, 677000 Якутск, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0009-0008-3094-6899. E-mail: Valerybo1402@gmail.com

² Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)

Junior Researcher

³ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 58, ул. Белинского, 677000 Якутск, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0002-1776-5603. E-mail: [nv.turantaeva\[at\]svfu.ru](mailto:nv.turantaeva[at]svfu.ru)

³ Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)

Junior Researcher

⁴ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 58, ул. Белинского, 677000 Якутск, Российская Федерация)

научный сотрудник

 0000-0001-6748-8459. E-mail: [alinavasilyeva88\[at\]gmail.com](mailto:alinavasilyeva88[at]gmail.com)

⁴ Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)

Researcher

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Малышева Н. В., Борисова В. С.,
Турантаева Н. В., Васильева А. П., 2025© Malysheva N. V., Borisova V. S.,
Turantaeva N. V., Vasileva A. P., 2025

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу лексико-фонетических особенностей абыйского говора якутского языка — одного из наименее изученных говоров северо-восточной диалектной зоны. *Цель работы* — документирование и анализ языковых особенностей говора на основе полевых материалов, собранных в 2025 г. в Абыйском районе Республики Саха (Якутия). *Результаты.* Основное внимание уделено лексическим особенностям, сформировавшимся под влиянием длительных языковых контактов с эвенским и русским языками. В работе детально анализируются тунгусо-маньчжурские заимствования, связанные преимущественно с охотой и рыболовством, а также русизмы, адаптированные к фонетической системе якутского языка. Особый интерес представляют мотивационно обусловленные номинации, отражающие связь языка с традиционной культурой и хозяйственным укладом местного населения. Фонетический раздел исследования включает подробный анализ вокализма и консонантизма. Выявлены архаичные черты, такие, как аканье, укорочение долгих гласных, назализация согласных, а также процессы интерференции с литературной нормой. Установлено, что современное состояние говора характеризуется смешанным употреблением диалектных и литературных форм, что свидетельствует о его активной трансформации. Результаты исследования имеют значительную научную ценность для якутской диалектологии, ареальной лингвистики и компаративных исследований. Полученные данные важны для сохранения языкового разнообразия народов Севера и могут быть использованы в лексикографической и этнолингвистической практике. Работа открывает перспективы для создания мультимедийного диалектного атласа и дальнейшего изучения механизмов языкового контактирования в полиэтнических регионах. Проведенное исследование вносит существенный вклад в документацию исчезающих диалектов и расширяет представления о диалектном разнообразии якутского языка. Материалы статьи представляют интерес как для специалистов-лингвистов, так и для исследователей, занимающихся вопросами языковой политики и сохранения культурного наследия.

Ключевые слова: якутский язык, диалектология, абыйский говор, языковые контакты, тунгусо-маньчжурские заимствования, русизмы, полевая лингвистика, исчезающие диалекты, фонетика, лексика

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» (№ 25-78-30006).

Для цитирования: Малышева Н. В., Борисова В. С., Турантаева Н. В., Васильева А. П. Лексико-фонетические особенности абыйского говора якутского языка (по полевым материалам) // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 6. С. 1352–1372. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1352-1372

Abstract. Introduction. The article examines lexical and phonetic features of Abyisky Yakut — a least studied dialect of the northeastern zone. *Goals.* The study seeks to document and analyze linguistic characteristics of the specified dialect traced in field data collected in 2025 across Abyisky District of the Sakha Republic (Yakutia). *Special attention is paid to lexical particulars shaped by long-term language contact with Even and Russian.* *Results.* The paper provides a detailed analysis of Tungus-Manchu loanwords, primarily ones related to hunting and fishing, as well as Russian borrowings phonetically adapted to Yakut. Of particular interest are motivationally driven nominations that reflect the connection between language, traditional culture, and subsistence practices of the local population. The phonetic section includes a thorough insight into the vowel and consonant systems. The study identifies some archaic features, such as akanye, shortening of long vowels, nasalization of consonants, and interference with literary norms. The work shows the present-day dialect is characterized by mixed use of both dialectal and literary patterns indicative of its active transformation. The obtained results are of significant value for Yakut dialectology, areal linguistics and comparative studies. The collected data shall contribute to the preservation of the linguistic diversity of Russia's North and may be used in lexicographic and ethnolinguistic practices. The study somewhat opens prospects for the creation of a multimedia dialect atlas and further investigation of language contact

mechanisms in multiethnic regions. The conducted research makes an essential contribution to the documentation of endangered dialects and broadens the understanding of Yakut dialectal diversity. The work can be of certain interest to both linguists proper and researchers engaged in language policies and preservation.

Keywords: Yakut language, dialectology, Abyisky dialect, language contact, Tungus-Manchu borrowings, Russian loanwords, field linguistics, endangered dialects, phonetics, vocabulary.

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 25-78-30006 ‘Languages and Cultures of Russia’s North and Arctic: Comprehensive Socio-Humanitarian Studies (Big Data Analyses)’.

For citation: Malysheva N. V., Borisova V. S., Turantaeva N. V., Vasileva A. P. Phonetic and Lexical Features of Abyisky Yakut: Analyzing Field Data. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. No. 6. Pp. 1352–1372. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1352-1372

1. Введение

Изучение диалектов якутского языка является одной из ключевых задач современной якутской диалектологии. Несмотря на то, что диалектная система якутского языка в значительной степени описана и существуют издания диалектологического атласа якутского языка, значимость дальнейших исследований обусловлена тем, что мониторинг диалектной ситуации в Якутии фактически не проводился с начала 1990-х гг., в то же время некоторые говоры стремительно нивелируются, в связи с чем необходимой и неотложной задачей является сбор полевого диалектного материала современными методами и его научная интерпретация. Кроме того, в дальнейшем можно создать мультимедийный электронный атлас, в котором, в частности, вопросы фонетики будут изучены при помощи инструментальных методов.

Особый интерес представляет северо-восточная диалектная зона якутского языка, в пределах которой функционирует абыйский говор. Согласно архивным историческим документам и фольклорным источникам, заселение предками якутов северо-восточной территории Якутии началось в XVII в. до прихода русских в Якутский край. Территория распространения абыйского говора охватывает современный Абыйский район (бывший Эльгетский улус, входивший в Верхоянский округ). По данным переписи 1897 г., в Эльгетском улусе проживало 1 774 чел., а в Памятной книжке Якутской области за 1891 г. в улусах Верхо-

янского округа как аборигенное население северо-востока Якутского края отмечены 1 228 эвенов и 248 юкагиров. Данный ареал представляет собой устойчивую зону этнолингвистических контактов якутов и эвенов, что отразилось, прежде всего, в лексике абыйского говора, где фиксируются многочисленные заимствования тунгусо-маньчжурского происхождения.

Абыйский район, расположенный в среднем течении реки Индигирки, был образован 25 мая 1930 г. Южная его часть граничит с Момским районом, представляющим собой контактную территорию совместного проживания якутов и эвенов. Традиционные формы хозяйственной деятельности местного населения включают рыболовство, мясомолочное скотоводство и оленеводство, что обусловило сохранение в лексике абыйских якутов архаичных номинаций, связанных с природной средой и жизненным укладом.

Первые диалектологические исследования северо-восточной зоны якутского языка относятся к 1940-м гг. Самым ранним периодом собирания диалектного материала в Абыйском районе стали 1940–1941 гг., когда энтузиастами научного изучения якутского языка С. И. Дьячковским (*Сэһэн Боло*) и А. А. Саввиным были зафиксированы особенности абыйского говора в области фонетики, грамматики и лексики [[Коркина 1992: 7](#)]. Следующий этап изучения был проведен в 1956–1957 гг. в рамках диалектологической экспедиции Института языка и литера-

туры Якутского филиала СО АН СССР при участии Н. К. Антонова и Е. Н. Аммосова. На основе собранных материалов Н. К. Антоновым было выполнено первое системное описание языка абыйских якутов [Коркина 1992: 11].

Накопленный корпус диалектологических данных позволил приступить к классификации говоров якутского языка. Предложив в 1961 г. первую классификацию, П. П. Барашков выделил в ней три группы, взяв за основу ведущий фонетический признак — противопоставление аканья и оканья: 1) акающие говоры намско-усть-алданского типа; 2) окающие говоры кангаласско-виллюйского типа; 3) окающие говоры мегино-таттинского типа [Барашков 1961: 7–17]. Позднее М. С. Воронкиным была разработана более детализированная классификация, включающая: 1) северо-западную группу, состоящую из долганского диалекта и есейского говора якутского языка; 2) виллюйскую группу; 3) центральную группу говоров; 4) северо-восточную группу говоров [Воронкин 1980: 203].

Цель настоящей статьи состоит в описании результатов документирования и анализа абыйского говора с акцентом на его лексические и фонетические особенности.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения абыйского говора в синхроническом и диахроническом аспектах, что позволяет уточнить и дополнить данные о характере языковых контактов и взаимовлияний на территории Севера и Арктической зоны Российской Федерации. Анализ лексико-фонетических особенностей способствует более глубокому пониманию современных процессов взаимодействия языков и культур, формированию научных оснований для языкового планирования, а также стимулирует проведение дальнейших исследований северных говоров и речевых практик в изучаемом ареале. Значимость работы определяется тем, что абыйский говор представляет собой уникальный лингвистический материал, на котором отчетливо проявляется взаимодействие экстралингвистических и интралингвистических факторов, определяющих специфику развития языков и диалектов.

2. Материалы и методы

Материалом исследования послужили порядка 2 000 диалектизмов, зафиксированных нами в рамках научной экспедиции в Абыйский район в 2025 г. [МНВ 2025; БВС 2025; ТНВ 2025; ВАП 2025]. Следует отметить, что часть собранных единиц впервые вводится в научный оборот, что усиливает значимость проведенного исследования. В опросах и полевых наблюдениях приняли участие около 100 респондентов — коренные жители Абыйского района, являющиеся носителями говора, типичного для северо-восточной диалектной зоны якутского языка. Значительная доля респондентов сохраняет традиционные формы хозяйственной деятельности, характерные для северных районов Якутии, где рыболовство, мясомолочное скотоводство и оленеводство продолжают играть важную роль в экономике и образе жизни населения. В ходе исследования был применен комплекс методов, обеспечивающих многоаспектное описание лексико-фонетических особенностей абыйского говора якутского языка:

- метод полевого опроса, использованный для собирания диалектного материала. Опросник, разработанный авторами статьи на основе ранних исследований северо-восточной диалектной зоны якутского языка, включал около 300 вопросов, направленных на выявление фонетических, лексических и грамматических особенностей говора абыйских якутов;

- сравнительно-исторический метод, примененный для установления генетической принадлежности лексических единиц. Данный подход позволил выявить в составе диалектной лексики заимствования тунгусо-маньчжурского происхождения (эвенкизмы и эвенизмы), а также русские элементы, адаптированные к фонетической системе якутского языка;

- методы ареальной и диалектной фонетики, использованные для анализа особенностей вокализма и консонантизма, а также для описания процессов звуковой адаптации в системе абыйского говора;

- словообразовательный и ономастический методы, примененные при анализе диалектизмов производного харак-

тера. Данный подход позволил установить мотивационные признаки в номинациях и выявить связь между языковыми единицами и культурно-хозяйственными реалиями, что дает возможность определить лингвокультурологические особенности лексики абыйского говора.

3. Некоторые особенности лексики абыйского говора

Лексика абыйского говора якутского языка характеризуется рядом устойчивых черт, сформировавшихся в условиях территориальной изоляции и длительных контактов абыйских якутов с носителями эвенского и русского языков. Собранный в ходе полевых исследований материал позволяет выделить несколько основных групп лексики, отражающих специфику языкового обихода местного населения. Во-первых, значительный пласт составляют заимствования из эвенского и эвенкийского языков, преимущественно связанные с природной средой, охотой, рыболовством и элементами традиционного быта. Во-вторых, в ответах респондентов широко представлены русизмы, обозначающие предметы повседневного обихода, административные и социальные реалии. Третью группу образуют лексемы, отражающие мотивационные признаки номинации.

Хозяйственный уклад абыйских якутов формировался в специфических природно-географических условиях северо-восточной части Якутии. Территория Абыйского улуса расположена в долине реки Индигирки, в зоне распространения многолетней мерзлоты, где имеется немало рек, протоков и озер. Наличие водных объектов определяет важную роль рыболовства в традиционном укладе жизни местного населения, и в этой связи лексика, связанная с рыбной ловлей, занимает заметное место. Помимо рыболовства, важное место в хозяйственной деятельности абыйских якутов занимает табунное коневодство. Специфика хозяйственного уклада обуславливает особенности лексического состава языка, оказывает непосредственное влияние на состав и тематическое распределение диалектной лексики. Так, например, лексика, связанная

с оленеводством и разведением крупного рогатого скота, у абыйских якутов представлена незначительно либо вовсе отсутствует. Учет особенностей хозяйственного уклада дает возможность точнее интерпретировать зафиксированные лексемы, выявлять локальные номинации и в дальнейшем сопоставлять полученные данные с материалами других северо-восточных говоров якутского языка.

3.1. Тунгусо-маньчжуризмы

Изучение лексического состава диалектов якутского языка позволяет выявить специфику историко-культурных и языковых контактов якутов с соседствующими этническими сообществами, прежде всего с эвенками. В этом отношении абыйский говор представляет особый интерес, поскольку сохраняет ряд архаичных и уникальных лексических единиц. По наблюдению М. С. Воронкина, «северо-восточная диалектная зона расположена в полосе влияния эвенского субстрата» [Воронкин 1999: 120]. Данный процесс особенно отчетливо прослеживается на примере Абыйского района, где основная часть эвенского населения сосредоточена в селе Куберганя (як. *Кэбэр-гэнэ*). Продолжительное сосуществование эвенков и якутов в рамках одного ареала способствовало активным процессам межязыкового взаимодействия. В результате интенсивных контактов наблюдается широкое распространение якутского языка среди эвенков, вплоть до перехода части носителей на его постоянное использование. Одновременно фиксируется и обратное влияние — проникновение отдельных эвенских лексических элементов в состав якутского языка.

Так, диалектная лексема *ньымаат* имеет значение 'дар, подарок охотника из своей добычи' [БТСЯЯ 2010: 173] и отражает культурно-бытовые реалии традиционного охотничьего уклада северных народов. В диалектологических источниках якутского языка основа интерпретируется как 'подарок, отдарок, гостинец от охотничьей добычи' [Коркина 1992: 170; ДСЯЯ 1976: 181]. Этимологически лексема восходит к эвен. *нимāt* '1) доля, пай (дарственный от охоты, часть добычи при дележе); 2) обычай отдавать добычу в дар старшему для распреде-

ления ее поровну между соседями»; эвенк. *нимāt* '1) доля, пай (дарственный от охоты, промысла, обычно половина шкуры убитого зверя); 2) передача части шкуры убитого зверя охотнику-пайщику или гостю (обряд) <...>' [ССТМЯ 1975: 593]. Наличие данной лексемы в абыйском говоре, ее семантическое соответствие эвенским и эвенкийским аналогам, а также устойчивая культурная практика перераспределения охотничьей добычи свидетельствуют об общности культурных и языковых традиций северных народов.

К охотничьей лексике относится также диалектизм *хабыйахаан* 'куропатка' [ДСЯЯ 1976: 275; ДСЯС 1995: 213; БТСЯЯ 2011: 164], являющийся диалектным вариантом общеякутской лексемы *хабдьы* 'куропатка' [БТСЯЯ 2012: 347]. По происхождению слово восходит к эвенк. *кавекāн* 'куропатка' [ССТМЯ 1975: 357; Мыреева 2001: 52] и относится к числу тунгусо-маньчжурских заимствований.

Диалектный ихтионим *сыанаан* 'налим' [ДСЯЯ 1976: 219], зафиксированный в абыйском говоре, представляет собой диалектную форму общеякутской лексемы *сыалһар* 'налим' [БТСЯЯ 2012: 347]. Этимологически восходит к эвенкийскому *сёһāн* 'налим' [ССТМЯ 1977: 71]; эвенк. *сёһан* 'налим' [Мыреева 2001: 60]. С точки зрения семантики наблюдается полное сохранение значения. На фонетическом уровне фиксируется дифтонгизация эвенкийского долгого [ē] и соответствие велярного носового /ŋ/ якутскому /h/, что отражает закономерные процессы адаптации тунгусо-маньчжурских заимствований.

Лексема *суорака* 'мозг (головной мозг)' [ДСЯЯ 1976: 215] также восходит к эвенк. *сурака* 'мозг' [ССТМЯ 1977: 353]. Семантическая структура заимствования сохраняется без изменений, что указывает на прямой характер переноса номинации. На фонетическом уровне наблюдается развитие эвенкийского гласного [y] в начальной позиции в дифтонг [yo] под влиянием вокалической системы якутского языка.

Интерес представляют также лексемы, образованные с помощью уменьшительно-ласкательного аффикса *-чаан*, обладаю-

щего высокой продуктивностью в северных говорах: *чукучаан* и вариации *тугачаан* / *тугаччаан* 'мелкая рыба, похожая на осетра (чукучан)' [ДСЯЯ 1976: 302]. Согласно данным «Грамматики современного якутского литературного языка», данный аффикс заимствован из тунгусских языков — эвенского и эвенкийского, и наибольшее распространение получил именно в северных говорах [ГСЯЛЯ 1982: 112]. По наблюдениям Н. В. Малышевой, аффиксы *-чаан* и *-чаан* восходят к общеалтайским морфемам, что позволяет предполагать более древнюю типологическую основу их формирования [Малышева 2024: 311].

3.2. Русизмы

В абыйском говоре отмечается значительное количество русских заимствований, что обусловлено длительными контактами якутов с русским населением, проживавшим в бассейне реки Индигирки. В первой половине XIX в. на этой территории существовало 8 русских поселений, крупнейшим из которых был Зашиверск — административный центр и форпост освоения русскими региона. После его упразднения в 1803 г. русское население сосредоточилось в низовьях Индигирки [Сафронов 1961: 104]. Продолжительное сосуществование двух этносов способствовало активному проникновению русизмов в диалектную лексику, прежде всего в бытовую и хозяйственную сферы. Особый интерес представляют единицы, отсутствующие в общезыковом якутском лексиконе или представленные в иной форме, что позволяет рассматривать абыйский говор ценным источником для изучения региональной специфики лексической интерференции.

Одним из наиболее частотных примеров является лексема *хачымаас* 'вяленая рыба, разновидность юколы' [Коркина 1992: 167; ДСЯЯ 1976: 286; БТСЯЯ 2011: 492]. Данная единица представляет собой адаптированное заимствование из рус. *качемазь* 'провесная или вяленая рыба осенней заготовки, не столь сухая как юкола' [Даль 1989: 99]; *качемаз* [Коркина 1992: 167; ДСЯЯ 1976: 286]. Фонетическая адаптация заимствованных слов в якутском языке подчиняется ряду закономерных процессов, отражающих осо-

бенности его звуковой системы. В частности в ряде русизмов наблюдаются регулярные изменения: начальный [к] переходит в [х], гласный [е] заменяется на [ы], происходит удлинение [а], а звонкий согласный [з] заменяется на глухой [с]. Широкое распространение данной лексемы в говоре свидетельствует о прочном закреплении отдельных русизмов в тематической группе, связанной с традиционным питанием и заготовками, и отражает специфику хозяйственно-бытовой культуры северных якутов.

Во всех обследованных населенных пунктах респонденты употребляют вместо литературной лексемы *өлүү* ‘часть, доля, достающаяся при дележе’ [БТСЯЯ 2010: 427] слово *эрээт*, восходящее к русскому *ряд*. Такая субституция указывает на активное вытеснение исконного слова заимствованием из русского языка.

Лексема *суокур* ‘сиг’ [БТСЯЯ 2012: 138]; ‘разновидность сига, щекур’ от рус. *щекур* [Коркина 1992: 168], представляет собой лексическое заимствование из рус. *щекур* / *шокур*, обозначающих разновидность рыбы сиг [Коркина 1992: 168; ДСЯЯ 1976: 215]. В ней реализованы типичные процессы фонетической адаптации: замена русских аффрикат [ш / щ] на [с], а также дифтонгизация гласного /е/ в /yo/, что соответствует фонологическим закономерностям якутского языка.

Интерес представляет также лексема *сииксэ*, зафиксированная в говоре в значении ‘водяника (шикша)’ [ДСЯЯ 1976: 206; БТСЯЯ 2011: 366]. Она восходит к рус. *шикша* ‘ягода и растение водяница’ [Даль 1991: 633]. Заимствование сопровождается регулярными адаптационными изменениями: заменой аффрикаты [ш] на [с], удлинением гласного /и/ и переходом финального гласного [а] в [э] под влиянием закона сингармонизма, регулирующего согласование гласных.

3.3. Лексические единицы, образованные по мотивационным признакам

Диалектная лексика якутского языка представляет собой богатый пласт, в котором ярко проявляются особенности народной номинации, обусловленной мотивационными признаками. В рамках данной моде-

ли номинации особое внимание привлекают лексемы, сформированные на основе характерных внешних, функциональных или поведенческих черт обозначаемых объектов. Такие образования зачастую основываются на метафорических переносах, звукоизобразительности, а также морфологической продуктивности, характерной для разговорного и диалектного уровней языка. Рассмотрим ряд диалектных номинаций, выявленных в ходе полевых исследований, отличающихся своеобразной семантической структурой и отражающих архаические черты народной языковой картины мира:

Одним из примеров является зооним *бөбө* ‘росомаха’ [ДСЯЯ 1976: 76; Иванов 2021: 193], восходящий к общеякутскому прилагательному *бөбө*, которое в буквальном значении трактуется как ‘неподдающийся быстрому разрушению; крепкий, прочный’ [ТСЯЯ 2005: 431]. Выбор данной лексемы для обозначения росомахи, очевидно, связан с ее физическими качествами — силой, выносливостью и наличием особо прочного, устойчивого к износу меха, что отражает оценочно-характеризующий тип народной номинации.

В абыйском говоре зафиксирована лексема *хаппыт* в значении ‘сушеная рыба’ [ДСЯЯ 1976: 280]. Словообразовательный анализ показывает, что она образована от глагольной основы *хат* ‘становиться сухим, терять влагу, засыхать, усыхать’ [БТСЯЯ 2011: 442] с присоединением аффикса причастия прошедшего времени *-быт*. Мотивационным признаком здесь выступает результат действия: значение отражает переход от процесса сушки к его завершеному результату — продукту, подвергнутому сушке, т. е. вяленой рыбе.

Фитоним *таас отон* [ДСЯЯ 1976: 232], функционирующий в абыйском говоре, соответствует литературной форме *уулаах отон* ‘брусника’. Диалектное наименование представляет собой описательное словосочетание, в котором компонент *таас* ‘камень, скала’ указывает на характерный ареал произрастания растения — каменистые участки. Как отмечает Н. В. Малышева, диалектное название *таас отон* фиксируется в Абыйском районе Республики Саха

(Якутия), расположенном в пределах горно-тундрового пояса, где брусника произрастает преимущественно на каменистых участках тундровой и лесной зон; таким образом, номинации в данном ареале мотивированы природными условиями среды произрастания растения [Малышева 2024: 108].

В абыйском говоре отмечено также семантическое расширение лексемы *тиит* 'лиственница', употребляемой в значении собирательного наименования *мас* 'дерево'. Здесь наименование конкретного вида дерева приобретает обобщенную референцию и используется для обозначения всей категории древесных растений. Как указывает Н. В. Малышева, диалектное переосмысление значения связано с ограниченным биоразнообразием: «диалектное развитие значения (сужение) обусловлено тем, что в данных регионах Якутии лиственница — практически единственное растущее дерево» [Малышева 2024: 408].

Таким образом, диалектные лексемы, формирующиеся по мотивационным признакам, демонстрируют тесную связь между языковым мышлением и природно-культурной средой. Их семантика отражает способы категоризации мира, характерные для традиционной языковой картины народа, и сохраняет архаические черты номинативно-го мышления.

Проведенный анализ лексики абыйского говора позволил выявить ряд закономерностей, отражающих особенности формирования и функционирования региональной диалектной системы в условиях интенсивных межъязыковых контактов и специфического природно-хозяйственного уклада. Во-первых, исследуемый лексический материал демонстрирует значительный пласт заимствований тунгусо-маньчжурского происхождения, охватывающих преимущественно сферы охоты, рыболовства, зоонимии и повседневного быта. Этимолого-семантический анализ данных единиц указывает на устойчивый характер лексической интерференции, обусловленной длительным сосуществованием якутов и тунгусских народов в пределах одного ареала. Во-вторых, в составе абыйского говора отчетливо выделяется слой русизмов, проникших в

лексику в результате контактов с русскоязычным населением, проживавшим в бассейне реки Индигирки. Лексемы, заимствованные из русского языка, преимущественно связаны с хозяйственно-бытовой сферой, общественными реалиями и материальной культурой. Их адаптация сопровождается регулярными фонетическими изменениями, отражающими особенности звуковой системы якутского языка. В-третьих, важную группу диалектной лексики составляют номинации, образованные по мотивационным признакам. Их формирование основано на восприятии и вербализации характерных внешних, поведенческих или функциональных свойств объектов. В этих лексемах реализуются метафорические и звукоизобразительные модели, а также активно функционируют словообразовательные аффиксы. Подобные единицы фиксируют особенности народной номинации и представляют значительный интерес для описания лексико-семантических процессов в диалектах якутского языка.

Наконец, выявленные лексические особенности напрямую коррелируют с хозяйственным укладом абыйских якутов, в котором ведущую роль традиционно занимают рыболовство, охота и табунное коневодство. Ограниченное развитие других отраслей, в частности оленеводства, находит отражение в неполной репрезентации соответствующей терминологии.

4. О специфике фонетического строя абыйского говора якутского языка

4.1. Особенности в области вокализма

Вокалическая система абыйского говора северо-восточной диалектной зоны имеет определенные отличия от литературного якутского языка, хотя строй их фонетической системы абсолютно идентичен. Рассматриваемые вокалистические особенности связаны, прежде всего, с нормами употребления некоторых гласных фонем. Проведенное нами анкетирование, направленное на выявление фонетических расхождений от норм литературного языка в области вокализма, позволило определить особенности употребления тех или иных

гласных фонем, сохранившихся в речи абыйских якутов по сегодняшний день.

4.1.1. Соответствия огубленных и неогубленных гласных [o] – [a]

Одной из устойчивых фонетических особенностей северо-восточного диалекта в области вокализма, в частности в абыйском говоре, является «аканье» или «неогубленное произношение гласных в основах вместо литературного огубленного» [Коркина 1992: 126]. «Аканье» является более архаичным типом вокализма по отношению к оканью [Иванов 1980: 130]. Якутские лингвисты и тюркологи природу данного фонетического явления объясняют близостью неогубленного варианта гласных к языку древнетюркских памятников и распространённостью «акающей» формы во многих тюркских языках, а также влиянием монгольского языка на процесс «аканья», а эвенкийского — на процесс «оканья» в якутском языке [Коркина 1992: 17]. Кроме того, по мнению П. П. Барашкова, «зона распространения аканья как раз совпадает с территорией, занятой эвенками <...>» [Очерк развития 1971: 26–27], а в Абыйском улусе преимущественно проживают этнические эвены, хотя С. А. Иванов оспаривал это утверждение, ссылаясь на архаичность данного фонетического явления [Коркина 1992: 17].

В результате анкетирования установлено, что около 75 % респондентов употребляют «акающий» вариант основ одновременно с «окающим», остальные 15 % опрошенных употребляют преимущественно «окающий» литературный вариант основ. Данное явление указывает на смешанный характер произношения слов у абыйских якутов: диалектного и литературного вариантов. Так, вариант як. *аргыый* (лит. *оргууй*) ‘тихо, не спеша’ является одним из самых часто употребляемых в речи абыйских якутов (45 % опрошенных). Встречаются и варианты як. *хатыыр* (лит. *хотуур*) ‘коса’ (17,5 % опрошенных), як. *сарый* (лит. *соруй*) ‘поручить’ (17,5 % опрошенных), як. *хамый* (лит. *хомуй*) ‘собирать, убирать’ (5 % опрошенных), як. *хадыһа* (лит. *ходуһа*) ‘сенокосное угодье’ (5 % опрошенных), як. *манчыык* (лит. *мончуук*) ‘манок’ (5 % опрошенных),

як. *дайды* (лит. *дойду*) ‘страна, земля’ (2,5 % опрошенных). Кроме того, прослеживается смешанное огубленное и неогубленное произношение поликомпонентных основ: *аабыый обус*, *аагыый обус* (10 % опрошенных). Систематическое употребление неогубленного варианта основ было выявлено у одного из респондентов из с. Куберганя Абыйского улуса, который, по его словам, имеет эвенское происхождение.

4.1.2. Соответствия переднеязычных огубленных и неогубленных гласных [ə] – [ɛ]

Варьирование гласных [ə] – [ɛ] тоже определяет особенность диалектной фонетической системы абыйского говора. Согласно Е. И. Коркиной, данная пара гласных является мягким вариантом пары [a] – [o] [Коркина 1992: 17–18] и соответствует границам «аканья» и «оканья», судя по «Лингвистической карте распространения акающих и окающих говоров якутского языка» [Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 12]. Проведенное анкетирование показало, что 25 % респондентов употребляют нелабиализованные варианты основ як. *мэккиэр*, *мэккиһии* (лит. *мөккүөр*, *мөккүһүү*) ‘спор’. С. А. Иванов утверждал, что у двусложных и многосложных корневых основ данный переход наблюдается по большей части в монголизмах, иногда в тунгусизмах и русизмах, редко в исконно тюркских основах [Иванов 1980: 166–169]. Корень як. *мөккүс* ‘спорить’ в свою очередь восходит к эвенк. *мэккус-мии* ‘спорить, противоречить’ [БТСЯЯ 2009: 310–311]. Так, нелабиализованный вариант як. *мэккис* может быть результатом огласовки по гласной первого слога слова.

4.1.3. Соответствие заднеязычных и переднеязычных узких гласных [ɯ] – [ʏ]

На сегодняшний день в речи абыйских якутов сохраняется предпочтительное употребление заднеязычного узкого гласного [ɯ] вместо переднеязычного узкого [ʏ]. Согласно Е. И. Коркиной, переход основ як. *сирэй* на *сырай*, як. *һырэй* на *һырай* объясняется тем, что «в говоре в отличие от якутского литературного языка огласовка в этих заимствованных из

монгольского языка словах произведена по гласным не первых, а вторых слогов» [Коркина 1992: 128]. Так, заднеязычный широкий гласный [а] в монг. *чирай* ‘лицо’, монг. *нирай* ‘младенец, новый’ подверг ассимиляции переднеязычный гласный -и, который претерпел комбинаторные изменения, находясь в системе якутского языка. В результате проведенного опроса выявлено, что основы як. *сырай* (лит. *сирэй*) ‘лицо’, як. *кылабачый* (лит. *килэбэчий*) ‘сверкать, блестеть’ являются наиболее часто употребляемыми вариантами среди абыйского населения: як. *сырай* — 30 %, як. *кылабачый* — 50 % опрошенных.

В речи абыйских якутов имеет место и «обратный» переход заднеязычного гласного [ы] на переднеязычный [и], который наблюдался в ходе анкетирования в прошлом столетии. 7,5 % опрошенных употребляют форму *кирдьик* вместо литературного *кырдьик* ‘правда’. Данный вариант соответствует древнетюркской форме *кирчик*, *гэрчек* [БТСЯЯ 2008: 328] и, по сути, является более архаичным по отношению к литературному.

4.1.4. Соответствие переднеязычных и заднеязычных огубленных гласных [ү] – [у]

Зафиксировано несколько случаев перехода переднеязычного лабиализованного гласного [ү] в заднеязычный лабиализованный [у] у ограниченного количества респондентов: *курдьах* вместо лит. *курдьэх* ‘лопата’ (10 % респондентов), *курдьар* вместо лит. *курдьэр* ‘выгребают’ (5 % респондентов), *укчу* вместо лит. *укчү* ‘точь-в-точь’ (2,5 % респондентов). Однако диалектологическая экспедиция 1950-х гг. в северо-восточную зону Якутии выявила эту особенность в усть-янском говоре. Природу возникновения данного фонетического явления В. Д. Лебедев объясняет тем, что такая огласовка слов вызвана влиянием говора момских эвенков, переселившихся в Абыйский район [Лебедев 1978: 4], в фонетической системе которого отсутствует гласный [ү] и для которого характерно «уханье», «т. е. замена -ү заднерядным губным гласным верхнего подъема -у» [Коркина 1992: 222].

4.1.5. Соответствие узких огубленных и неогубленных гласных [ү] – [ы]

Анкетирование также выявило замену узкого лабиализованного гласного [ү] узким нелабиализованным гласным [ы] в речи респондентов. Такая фонетическая замена характерна для узкого круга слов: *кыччаа* вместо лит. *куччаа* ‘становиться маленьким’ (7,5 % опрошенных), *кыччыгый* вместо лит. *куччугуй* ‘маленький’ (10 % опрошенных), *һыбай* вместо лит. *субай* ‘свежая кровь’ (2,5 % опрошенных). В остальных основах сохранено произношение узкого лабиализованного гласного: *суһуох* ‘волосы, коса’, *умсаах* ‘утка-нырок’, *кумаабы* ‘бумага’, *дьураа* ‘полоска’, *умнаһыт* ‘попрошайка’. Однако замена [ү] на [ы] не была приведена в работе Е. И. Коркиной при разборе ею абыйского говора, и это позволяет нам сделать вывод о том, что поскольку рассматриваемое фонетическое явление носит незначительный характер, то до настоящего момента оно оставалось без внимания исследователей. Однако замена узкого лабиализованного гласного узким нелабиализованным гласным приводится в характеристиках усть-янского и верхоянского говоров. Е. И. Коркина объясняет данное фонетическое явление в усть-янском говоре так: «Возможно, в нашем говоре, кроме всего прочего, преломляется и фонетическое явление, отмечаемое в говорах соседнего эвенского языка под названием „ыkanie“» [Коркина 1992: 223]. Однако С. А. Иванов отметил, что корневой [ү] переходит в [ы], когда он «соседствует» с губными согласными [м] или [б] и широким гласным [а] / [аа] (*субай* → *һыбай*, *куччаа* → *кыччаа*), и делабиализация в данной позиции является весьма характерным для якутского языка явлением [Иванов 1993: 54–55].

4.1.6. Соответствие узких и широких гласных [ы] – [а], [ү] – [о]

Небольшому числу опрошенных также свойственно употребление як. *хара* вместо лит. *хары* ‘предплечье’ (7,5 % респондентов), як. *көлбүөрэ* вместо лит. *кулгэри* ‘ящерица’ (20 % респондентов). Здесь присутствует расширение узких гласных, что является характерной чертой для говоров северо-восточной диалектной зоны. Эти вариации узких-широких гласных проис-

ходят по соответствию [ы] – [а], [ү] – [ə]. С. А. Иванов указал, что такой переход является результатом «позиционного ослабления гласных в безударной позиции или аккомодации и ассимиляции» [Иванов 1993: 106]. По его мнению, неразличение или физическое совпадение данных гласных в слабых позициях является распространенным явлением для фонетической системы якутского языка, и поэтому специалистами в области фонетики переход узких гласных в широкие не всегда рассматривается как дифференциальный признак какого-то определенного говора [Иванов 1993: 127].

4.1.7. Дифтонгизация гласных в лексической единице *кулгэри* – *көлбүөрэ*

В речи абыйских якутов данное слово претерпело еще и дифтонгизацию гласных в своей основе, которая является чертой абыйского говора: *кулгэри* → *көлбүөрэ*, [э] // [үө]. Употребление «дифтонгизированного» варианта основы характерно для 20 % респондентов. Однако исследователи ранее отмечали дифтонгизацию в двух- и трехсложных глагольных основах и соответствие дифтонгов долгим гласным, тогда как дифтонгизация кратких гласных в именных основах является редким явлением в фонетической системе северо-восточного диалекта: «Необычное для других говоров (кроме центральных) употребление дифтонгов в именных основах: *өнчүөх* в.м. *өнчөх*, *дьэдьиэн* в.м. *дьэдьэн* ‘земляника’, *кулбүөрэ* в.м. *кулгэри*, *кулбэри* ‘ящерица’ <...>» [Диалектологический атлас 2010: 45]. В связи с этим нас интересует соответствие дифтонга краткому гласному, хотя оно не является «последовательно проходящим по всему говору» [Сборник диалектологических материалов 1961: 22]. Данная лексическая единица заимствована из монгольского языка: п.-монг. *гурбэл*, бур. *гүрбэл* [Воронкин 1999: 87]. В якутском языке она имеет несколько диалектных вариантов: *кулбэри*, *көлбөрү*, *көлбүөрэ*. Если брать «эволюцию» данного слова в таком порядке, то на огубление изначального гласного [э], судя по всему, повлияло его положение после губного [б]: «Однако в соседстве с губными <согласными> гласные подвергаются лабиализации» [Дьяч-

ковский 1971: 78]. Так, лабиализованный вариант *көлбөрү*, возможно, претерпел еще и дифтонгизацию по принципу: *өнчөх* > *өнчүөх*, *хомуһун* > *хомуоһун*, *дулба* > *дуолба* [Диалектологический атлас 2010: 45].

4.1.8. Долгость — краткость гласных

Для абыйского говора характерно употребление некоторых основ с краткими гласными вместо их литературных вариантов с долгими гласными. В ходе проведения опроса выяснилось, что 70 % респондентов в повседневной речи произносят некоторые основы с краткими гласными вместо их вариантов с долгими гласными, и набор этих основ оказался весьма устойчивым. Так, носители, которым свойственно «усечение» долгих гласных, произносят основу як. *куугэн* как як. *күгэн* ‘пена’ (65 %), як. *ойуун* как як. *ойун* ‘шаман’ (25 %), як. *тулаайах* как як. *тулайах* ‘сирота’ (22,5 %). Зафиксированы и другие примеры употребления основ с усеченным вариантом долгих гласных: як. *кыптыый* как як. *кыптый* ‘ножницы’ (5 %), як. *ангаар* как як. *ангар* ‘половина’ (5 %), як. *киэһээ* как як. *киэһэ* ‘вечер’ (5 %), як. *сынаах* как як. *сынах* ‘челюсть’ (2,5 %), як. *ообуй* как як. *обуй* ‘паук’ (2,5 %). Однако в употреблении вариантов с краткими или долгими гласными отсутствует какая-либо последовательность, тем не менее эта фонетическая особенность присутствует в речи большинства респондентов. Исследование диалектных особенностей абыйского говора в 50-е гг. прошлого столетия также показало, что употребление слов с недолгим и долгим гласным имеет разрозненный характер, но в целом «употребление вариантов с кратким гласным предпочтительнее, чем употребление тех же слов с долгим гласным» [Коркина 1992: 24].

Вариация кратких и долгих гласных отмечается в основном в первых и последних слогах, т. е. в любой позиции, и носит случайный характер. Природу возникновения таких расхождений Н. Д. Дьячковский объясняет: 1) частичной незавершенностью установления оппозиций между краткими и долгими гласными; 2) уязвимостью и предрасположенностью данной оппозиции к различным нарушениям [Дьячковский

1971: 36]. Он и другие исследователи фонетики утверждают об архаичности противопоставления кратких гласных долгим: «Система оппозиций кратких – долгих гласных является, по всей вероятности, одной из наиболее древних особенностей якутского языка» [Дьячковский 1971: 35]. С. А. Иванов тоже отмечает архаичность данной вариации, исходя из ее непоследовательного характера: «Случайность эта, быть может, в какой-то мере сигнализирует о былой фонетической закономерности, уходящей своими корнями в седую древность» [Иванов 1993: 137–138].

Настоящее анкетирование показало отсутствие в абыйском говоре таких диалектологических особенностей, как дифтонгизация в глаголах и дедифтонгизация в именах существительных и именах прилагательных, что отмечалось участниками прошлых экспедиций. Все респонденты произносили основы с сохранением всех гласных в дифтонгах, в соответствии с их литературными вариантами: *босхолоо* ‘освободить’, *бараа* ‘тратить’, *үлэлээ* ‘работать’, *төлөө* ‘платить’ (отсутствие дифтонгизации); *уот* ‘огонь’, *кыараҕас* ‘тесный’, *диэки* ‘на стороне чего-л.’, *сүөһү* ‘скот’ (отсутствие дедифтонгизации). Если в прошлом столетии данные фонетические явления были для абыйского говора характерны, то в настоящее время население стремительно переходит на употребление литературных вариантов слов.

Установленные диалектизмы в области вокализма позволяют нам сделать следующие выводы.

1. Для абыйского говора характерны: в большей степени:

- разгубление лабиализованных гласных [o], [ə] и переход в нелабиализованные [a], [э] — 75 % респондентов;

- укорочение долгих гласных — 70 % респондентов;

- употребление заднеязычного узкого гласного [ы] вместо переднеязычного узкого [и] — 67,5 % респондентов;

в меньшей степени:

- замена узкого лабиализованного [у] узким нелабиализованным [ы] — 20 % респондентов;

- дифтонгизация некоторых именных основ типа [күлгэри] — [көлбүөрэ] — 20 % респондентов;

- переход переднеязычного лабиализованного гласного [ү] в заднеязычный лабиализованный [у] — 12,5 % респондентов;

- расширение узкого гласного [ы] и переход в широкий гласный [а] — 7,5 % респондентов.

2. На сегодняшний день для жителей Абыйского района свойственно смешанное употребление диалектного и литературного вариантов слов, большее тяготение отмечается к литературным нормам.

3. Некоторые диалектизмы в области фонетики, указанные в главе «Индибирский говор» монографии Е. И. Коркиной «Северо-восточная диалектная зона якутского языка», и вовсе не отмечены.

В абыйском говоре прослеживаются древние характеристики основ, не сохранившиеся в их литературных вариантах, что представляет большой интерес для дальнейших диалектологических исследований. Так, изолированная жизнь северных якутов в дореволюционное время обусловила сохранение некоторых архаичных элементов якутского языка в северо-восточном диалекте [Сборник диалектологических материалов 1961: 18], в частности в абыйском говоре. При этом в нем отмечается влияние соседствующего эвенского языка, проявляющееся в заменах и «предпочтительном» употреблении тех или иных гласных фонем.

Возникновение вариаций гласных фонем в якутском языкознании связывают с их неустойчивым положением или слабой позицией в корневых основах и т. д., так они более подвержены всяческому комбинаторным изменениям [Иванов 1993: 106]. Нужно отметить, что отдельные вариации гласных — это результат позднего развития языка, а некоторые носят более архаичный характер и восходят к древним формам и особенностям основ [Дьячковский 1971: 35]. Ярко выраженный сингармонизм гласных в якутском языке также способствовал появлению различных вариаций фонем, относящихся к разным периодам развития языка [Дьячковский 1971: 18]. Также, кроме

внутриязыковых факторов, ученые называют еще внешние, связанные с проникновением иноязычной лексики (из монгольского, тунгусо-маньчжурского, русского языков) и с ее адаптацией в фонетической системе якутского языка [Иванов 1993: 17].

Таким образом, в абыйском говоре употребление диалектных вариантов в области вокализма носит разрозненный и непоследовательный характер. Проведенное анкетирование показало, что современная языковая ситуация в данном ареале существенно отличается от описанной в монографии Е. И. Коркиной. Наблюдается выраженная интерференция диалектных и литературных норм, что обусловлено почти полным переходом местного населения на литературный вариант языка. Непоследовательность употребления диалектных основ свидетельствует о постепенном ослаблении фонетических особенностей и размывании границ между диалектной и литературной подсистемами якутского языка.

4.2. Особенности в области консонантизмов

Изучение диалектов якутского языка важно для сохранения лингвистического разнообразия и реконструкции исторической фонетики. В контексте основной задачи по выявлению фонетических расхождений от норм литературного языка в абыйском говоре на материале полевых записей (40 респондентов) рассмотрены особенности в области консонантизмов. Как утверждает Е. И. Убрятова, «сама система согласных якутского языка весьма своеобразна и некоторые диалектные особенности обязаны своим происхождением своеобразию этой системы» [Убрятова 1960: 67]. Согласно М. С. Воронкину фонемный состав диалектов якутского языка полностью совпадает с литературным языком, не обнаруживая специфических согласных, отсутствующих в стандартном варианте [Воронкин 1999: 75].

В результате анализа собранного материала в абыйском говоре выявлено сохранение следующих фонетических особенностей (в скобках указан процент носителей из 40 опрошенных, у которых зафиксированы эти явления).

Соответствие согласных

– *ичигэстээ* — лит. *итигэстээ* ‘подбирать’ (у 10 % опрошенных); *үчэһэ* — лит. *үтэһэ* ‘вертел’ (10 % респондентов). У Э. К. Пекарского присутствуют оба варианта: *ičigästä* = *itigästä* ‘выбирать, собирать, поднимать по штучке, поодиночке’ [Пекарский 1958–1959: 988]; *үчäcä*, *үтүcä*, *үчäcä* ‘заостренный деревянный или железный прут, рожон, вертел’ [Пекарский 1959: 3193]. С. А. Иванов предполагает, что явление возникло «в результате палатализирующего влияния переднеязычных гласных, что произошло на почве самого якутского языка» [Иванов 2021: 99]. Варианты с медиальным [ч] преобладают на севере и Виллюе [Воронкин 1999: 94];

– *чорохой* ‘маленькая щука’ — *борохой* ‘маленькая щука’ [Афанасьев 1965: 74], однако словарь Э. К. Пекарского приводит оба варианта: *борохой* ‘маленькая щука’ (ср. *чорохой*, *кумдью* и *сордон*) [Пекарский 1958: 503], *чорохой*, *чорохой* (ср. кирг. *шораба-тай*, каз. *чурабай*, бур. *сурхай*, монг. *чурухай*) ‘щука’ [Пекарский 1959: 3651]; второй вариант — *дьорохой* ‘маленькая (молодая) щука’ [Пекарский 1958: 845]. Интересно, что слово *борохой* в Большом толковом словаре якутского языка дается как разговорное и означает ‘подросший щуренок, молодая щука’ [ТСЯЯ 2005: 398], *дьорохой* означает ‘детеныш щуки, щуренок’ [ТСЯЯ 2005: 413]. Можно предположить, что данные слова представляют собой разные лексемы, и идея соответствия [ч] – [б] в рассматриваемых вариантах предложена в силу схожести фонетического звучания слов. Лексема *борохой* по своему значению связана скорее с возрастной категорией, обозначая не совсем маленькую, а уже подросшую молодую щуку. По данным Диалектологического словаря якутского языка, вариант *чорохой* действительно предпочтителен для Абыйского, а также для Верхоянского и Усть-Янского районов [ДСЯЯ 1976: 300];

– *очоѳос* и *өчөс* — лит. *оѳоѳос* ‘кишка’ и *өһөс* ‘упрямый’ (30 % респондентов), *бычаѳас* — лит. *быһаѳас* ‘неполный’ (20 % респондентов). Данные варианты являются более близкими к древним этимонам и имеют широкое распространение [Иванов 2021:

98], встречаются в северных и вилуйских говорах [Воронкин 1999: 94];

– зафиксировано употребление вариации слова *чөмүйэ* — лит. *сөмүйэ* ‘указательный палец’ (10 % респондентов). Можно предположить, что это связано с эвенкийским влиянием, как и в «речи есейских, оленекских, анабарских якутов с безразличным употреблением [ч] и [с], прямым следствием которого является фонетическое соответствие ч ~ с // с ~ ч» [Иванов 2021: 97]. Сюда же можно отнести примеры С. А. Иванова: *чугас* ~ *сугас* ‘ближний, близкий’, *сэньийэ* ~ *чэньийэ* ‘подбородок’ и т. д. [Иванов 2021: 97];

– *барыбабарыма-ба*, *-мабарыма* → *барыба*: представляет сохранение в якутском языке древнетюркского аффикса отрицания *-ма*, однако форму *-ба* «следует рассматривать либо как рефлекс древнейшей формы отрицания *-ба-*, поскольку в истории тюркского консонантизма [б] считается первичным, [м] — вторичным, либо как более позднюю модификацию, приписываемое древнему кыргызскому влиянию» [Иванов 1993: 201]. Исследователь отмечает, что употребление глагольных основ с отрицательной формой *-(ы)ба* встречается крайне редко в северо-западных говорах [Иванов 1993: 203]. Согласно диалектологическому атласу якутского языка, форма типа *барыба* (*барба-*) ‘не идти’ устойчиво сохранилась от намско-борогонских, таттинско-батурусских говоров центральной диалектной зоны до верхоянских, абыйско-аллаиховских говоров северо-восточной диалектной зоны [ДАЯЯ 2004: 24].

Закономерность чередования согласных [б] и [м] является известным фонетическим явлением в тюркских языках. Как отмечает Е. И. Убрятова, данное соответствие проявляется как в сравнительном анализе различных тюркских языков, так и при исследовании диалектных вариаций внутри алтайского, казахского, каракалпакского и татарского языков [Убрятова 1960: 87]. Так, Е. И. Коркина отмечает употребление шумного губного [б], зафиксированного в колымском и оймяконском говорах в отрицательной форме глагола как «реликтивно-сохранившийся» [Коркина 1992: 180]. «В говорах северо-вос-

точной диалектной зоны наблюдается излюбленное употребление звука [б] вместо [м] не только в глагольных, но и других основах: в индигирских говорах *тиис билэтэ* в.м. *тиис миилэтэ* ‘десны зубов’» [Иванов 2021: 112]. Так, в ходе опроса нами зафиксировано употребление слова *биилэ* вместо литературного *миилэ* ‘десна’ (10 % респондентов). С. А. Иванов приводит примеры: бур. *мүйлэ* / *мылэ* ‘десны’, халх.-монг. *бүйл*, калм. *бүүл*, стп. монг. *бүйилэ* — ср. якут. *миилэ*, *муулэ*, *бүүлэ*;

– *чыһаас* — лит. *чычаас* ‘неглубокий’ (10 % респондентов);

– *симэччи* — лит. *чүмэчи* ‘свеча’ (2,5 %).

В данном примере представлен переход на глухой [м], более того долгота согласных — краткий переднеязычный [ч] заменяется долгим [чч]. В словаре Э. К. Пекарского представлены варианты: *чүбäчи*, *чүбäччи*, *чүмäчи*, *чүмäччи* (русс.) = *сибäчи*, *түмäчи*, *чибäчи* ‘свеча, свечка’ [Пекарский 1959: 3701]. Пример зафиксирован у информанта Слепцовой А. Д., 1944 г. р., по национальности эвенкой, она владеет родным языком и как вторым — якутским, родилась среди Момских гор в кочевой семье, для местных жителей характерным является употребление русизмов. У Е. И. Коркиной присутствует вариант данного слова из усть-янского говора — *сүбэччи* [Коркина 1992: 227], где наблюдается переход глухого среднеязычного [ч] на смычный звонкий губной [б], такой вариант также зафиксирован у информантов из с. Куберганя, однако у одних с варьированием гласных [ү]-[и] — *сибэччи* (5 % респондентов);

– *мэхчиргэ* — лит. *мэхчиргэ* ‘сова’ (2,5 % респондентов). Зафиксировано одно употребление данного слова в такой вариации. В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского данное слово происходит от ср. бур. *бэкиһгэ* ‘сова’ [Пекарский 1959: 1547];

– чередование смычных [д] и [т]. В позиции между гласными отмечается тенденция к оглушению: *сыбытах* — лит. *сыбыдах* ‘без седла’ (13 % респондентов); *табай* — лит. *дабай* ‘касаться’ (10 % респондентов). Так, относительно варианта *сыбытах* ‘неоседланный’, стоит сказать, что данная основа восходит к древнетюркским основам

jabitaq ‘неоседланный’ [ДТС 1969: 222], «в языке якутов более распространенным и литературным считается вариант *сыбытах*» [Иванов 2021: 84]. В якутских говорах фонема [д] возникла вследствие позиционной вариативности исконного [т], близкого к ней по артикуляционным свойствам. Ее фонологизация произошла под влиянием экстралингвистических причин, речевой интерференции и тенденции к гармонизации оппозиции «глухость / звонкость» среди шумных согласных. По данным исследований, в ряде реконструкций [д] трактуется как аллофон [т], сохранившийся с доалтайского периода и представленный в современных диалектах [Иванов 1993: 172]. С. А. Иванов упоминает о выделении двух полярных ареалов использования слов отдельно с начальным и срединным [д] и [т], складывавшихся еще до появления первых русских землепроходцев (до XVII в.). Так, в якутских диалектах наблюдается интересная фонетическая динамика: глухой вариант [т] без четкого противопоставления звонкому [д] наиболее устойчив в верховьянских, момско-абыйских и колымских говорах, тогда как в амгино-ленских, оймьконских, саккырырских, усть-янских и аллаиховских говорах отмечается вариативное употребление обоих вариантов. По мнению исследователя, такая картина сложилась под влиянием двух факторов: экспансии звонкого варианта, поддержанной литературной нормой, и сокращения территории распространения глухого согласного [Иванов 1993: 176–177];

– назализация среднелазычного звонкого смычного [дъ]: здесь речь идет о соответствии [дъ] – [ч] – [нь], которое встречается в диалектах алтайского языка, но именно в «якутском языке этот согласный выступает как самостоятельная фонема, имеющая особое обозначение [нь] в современной якутской письменности» [Убрятова 1960: 115]. Так, в работе Е. И. Убрятовой по назализации [дъ] под влиянием последующих носовых приведен пример основы *дьаалбаан* — *ньаалбаан* — *чаалбаан* ‘жесть’. В нашем опроснике представлен пример *ньаалбаан*, из числа респондентов вариант с начальным [ч] произносят 5 % респондентов. У Е. И. Убрятовой, проводившей

сравнительное изучение фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР и представившей результаты в обширной монографии в 1960 г., наибольшее число записей с данной вариацией было зафиксировано в Вилюйском и Олекминском районах [Убрятова 1960: 116]. В свою очередь М. С. Воронкин приводит анализ данных слов, изучавшихся в трех зонах (на северо-западе, Вилюе и северо-востоке), и заключает, что форма *чаалбаан*, распространенная в западных и частично северо-восточных районах, представляет собой архаичный вариант тунгусо-маньчжурского происхождения, практически не имеющий вариаций, за исключением редкого *дьаалбаан* с переходом начального [ч] в [дъ]. При этом литературный стандарт *ньаалбаан*, утвердившийся в центральных говорах, возник в результате назализации, где исходный [ч] трансформировался в [нь] под воздействием последующего носового согласного [Воронкин 1999: 92]. Так, употребление варианта с начальным [ч] в абыйском говоре подтверждает, что оно действительно свойственно для северо-восточных говоров;

– *палатализация и ассимиляция*. В абыйском говоре прослеживается тенденция к палатализации согласных, особенно в позиции перед гласными переднего ряда. Можно отдельно отметить пример замены палатализованного [дъ] на [лъ]: *буульдьа* при литературной норме *буульдьа* ‘пуля’ (3 % респондентов), *ыальдьар* при литературной норме *ыальдьар* ‘болеть’ (3 % респондентов). Данное явление прогрессивной ассимиляции — перехода [дъ] на [лъ], [лъль] — особо отмечалось в оймьконском говоре во время экспедиций Е. И. Коркиной, однако процесс взаимной ассимиляции был выражен менее четко из-за сильного воздействия якутского языка центральных регионов и литературной нормы [Коркина 1992: 182]. По наблюдениям Е. И. Убрятовой, данный вид ассимиляции «имеет тенденцию в якутском языке стать нормой литературного произношения» [Убрятова 1960: 100];

– *вариативность по удвоению согласных*. Характерной чертой абыйского говора является удвоение согласных, известны как *геминация*, не свойственное литературной

норме. Примеры замены кратких согласных долгими зафиксированы в оймьяконском, верхоянском, колымском и индигирском говорах [Коркина 1992: 182]. По результатам проведенной экспедиции можно выделить следующие устойчивые черты в говоре абыйских якутов: замена краткого заднеязычного [x] долгим [xx]: *ыараххан* — лит. *ыарахан* ‘трудный’ (15 % респондентов), *улаххан* — лит. *улахан* ‘большой’ (8 % респондентов), *көххө* — лит. *көхө* ‘крючок’ (3 %); замена переднеязычного [л] долгим [лл]: *уларыйыы* — лит. *уларыйыы* ‘изменение’ (18 % респондентов); замена краткого среднеязычного [ч] долгим [чч]: *мээчик* — лит. *мээчик* ‘мяч’ (10 % респондентов), *чүмэчи* — лит. *чүмэчи* ‘свеча’ (5 % респондентов); геминия палатализованного [дь]: *эдьдьий* при литературном *эдьий* ‘старшая сестра’ (3 % респондентов). Замена рассматриваемых кратких долгими свойственна оймьяконскому, колымскому и индигирскому говорам [Коркина 1992: 182], что устойчиво сохраняется и в абыйском. По данным Диалектологического атласа якутского языка и согласно С. А. Иванову, удвоение увулярного [x] между гласными более характерно для борогонских, таттинско-томпонских и отчасти чурапчинских говоров центральных районов республики. Впоследствии данная фонетическая особенность распространилась на северо-восточные диалектные зоны, включая верхоянский, оймьяконский и абыйско-колымские говоры [ДАЯЯ 2004: 27];

– *выпадение согласных в середине слова*. Е. И. Коркиной отмечается опущение слога в середине слова у носителей индигирского говора в слове *собоостоо* ‘тащить, волочить’, т. е. респонденты произносят его как *сабаастаа* / *сыбаастаа* [Коркина 1992: 135]. В словаре Э. К. Пекарского присутствует вариант *сабаастаа* = *собоостоо* ‘волочь, влечь, тащить по земле’ [Пек. 1959: 2018], также *сособоостоо* = *сасабаастаа*, *сысабаастаа* ‘тащить, волочить, поволакивать’ [Пекарский 1959: 2290]. В Большом толковом словаре якутского языка слово *сабаастаа* означает ‘тащить, волочить по земле (что-то тяжелое, громоздкое)’ [БТСЯЯ 2011: 135]. В ходе опроса среди абыйских респондентов за-

фиксировано употребление слова *сабаастаа* (17 % опрошенных);

– *метатеза*. Следующая особенность абыйского говора заключается в перестановке согласных в сложных словах: наблюдается употребление варианта *хобохо* вместо литературного *хохобо* ‘перхоть’ (70 % респондентов); *тобохо* вместо лит. *тохобо* ‘гвоздь’ (65 % респондентов), *билиһэх* — лит. *биһилэх* (3 %), *тэлиэркэ* — лит. *тэриэлкэ* (3 %), *иһэнэ* — лит. *ингэнэ* (3 %). Согласно исследованиям Н. Д. Дьячковского, метатезы в якутском языке главным образом наблюдаются в заимствованной лексике, что объясняется сложностями фонетической адаптации русских слов и влиянием монгольских языковых моделей. Наиболее часто перестановки затрагивают сонорные и звонкие согласные, тогда как глухие участвуют в этом процессе значительно реже. В исконно якутских словах метатезы преимущественно связаны с фарингальным звуком [h], который представляет собой относительно позднее явление в системе якутского консонантизма по сравнению с другими фонемами, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры [Дьячковский 1982: 26–27].

Таким образом, рассматриваемые явления, частично наблюдавшиеся Е. И. Коркиной (в колымском, олекминском, усть-янском и саккырырском говорах) [Коркина 1992] и П. С. Афанасьевым (в верхоянском говоре) [Афанасьев 1965], могут свидетельствовать о влиянии субстратного языка или архаичных чертах, сохранившихся в говоре. Эти процессы, документированные в работах ведущих исследователей (Е. И. Убратовой, М. С. Воронкина, С. А. Иванова), подчеркивают значение диалектных исследований для реконструкции прякутской фонетики и выявления языковых контактов. Консонантизм в абыйском говоре, сопоставленный с материалами Е. И. Коркиной (1950-е гг.), в основном сохраняет ряд архаичных черт, характерных для северо-восточных диалектов якутского языка (геминия, ослабление палатализации, метатеза), а также демонстрирует некоторую вариативность, вероятно, связанную с влиянием соседних говоров и контактами с эвенским

языком. Частичная утрата некоторых особенностей может отражать воздействие литературной нормы или языковой сдвиг.

5. Заключение

Проведенный анализ диалектизмов позволяет сделать вывод о том, что лексика абыйского говора характеризуется рядом устойчивых черт, сформировавшихся в условиях территориальной изоляции и длительных контактов с носителями эвенского и русского языков. На основе полевого материала (около 2 000 диалектизмов) выделяются три основные лексические группы: а) заимствования из эвенского и эвенкийского языков, преимущественно связанные с природной средой, охотой, рыболовством и традиционным бытом; б) русизмы, обозначающие предметы повседневного обихода, административные и социальные реалии; в) лексемы, образованные по мотивационным признакам номинации.

Этимолого-семантический анализ показывает устойчивый характер лексической интерференции, обусловленной длительным сосуществованием якутов и тунгусских народов в пределах одного ареала. В составе абыйского говора выделяется слой русизмов, проникших в лексику в результате контактов с русскоязычным населением, проживавшим в бассейне реки Индигирки и связанных с хозяйственно-бытовой сферой, общественными реалиями и материальной культурой. Их адаптация сопровождается регулярными фонетическими изменениями, отражающими особенности звуковой системы якутского языка. Важную группу диалектной лексики составляют номинации, образованные по мотивационным признакам. Их формирование основано на восприятии и вербализации характерных внешних, поведенческих или функциональных черт объектов. Подобные единицы фиксируют особенности народной номинации и коррелируют с хозяйственным укладом абыйских якутов, в котором ведущую роль занимает рыболовство, охота и табунное коневодство.

В фонетической системе абыйского говора, прежде всего в области вокализма, отмечается смешанное употребление «акающих» и «окающих» вариантов: около

75 % респондентов используют обе формы параллельно, в то время как около 15 % отдают предпочтение «окающим» вариантам, приближенным к литературной норме. Это свидетельствует о постепенной нивелировке диалектных признаков. В системе вокализма зафиксированы соответствия огубленных и неогубленных гласных [o] – [a], [ə] – [э], а также заднеязычных и переднеязычных узких гласных [ы] – [и]. Соответствие заднеязычных и переднеязычных узких гласных [и] – [ы] — один из показателей фонетической системы северо-восточной диалектной зоны якутского языка. Для абыйского говора характерно предпочтительное употребление заднеязычного узкого гласного [ы] вместо [и], при этом фиксируются отдельные случаи обратного перехода [ы] → [и], восходящие к древнетюркской форме. У ряда информантов отмечено изменение переднеязычного лабиализованного гласного [ү] в заднеязычный [у]. Природу возникновения данного фонетического явления можно объяснить влиянием говора момских эвенков, переселившихся в Абыйский район.

Незначительные фонетические процессы зафиксированы в области соответствия узких огубленных и неогубленных гласных [y] – [ы], соответствия узких и широких гласных [ы] – [a], [ү] – [ə], дифтонгизации гласных в лексической единице [күлгэри] – [көлбүөрэ], долготы ~ краткости гласных. Современная языковая ситуация характеризуется смешанным употреблением диалектных и литературных вариантов с заметным тяготением к литературной норме. В абыйском говоре прослеживаются древние характеристики основ, не сохранившиеся в их литературных вариантах, что представляет большой интерес для дальнейших диалектологических исследований.

Изолированное существование северных якутов в дореволюционный период способствовало сохранению древних элементов языка, в то время как соседство с эвенками обусловило отдельные случаи фонетического влияния. Нужно отметить, что отдельные вариации гласных — это результат позднего развития языка, а некоторые носят более архаичный характер и восходят к древним формам и особенностям основ.

Ярко выраженный сингармонизм гласных в якутском языке также способствовал появлению различных вариаций фонем, относящихся к разным периодам развития языка. Кроме внутриязыковых факторов, ученые называют еще внешние, связанные с проникновением иноязычной лексики (тунгусо-маньчжурского, русского языков) и с ее адаптацией в фонетической системе якутского языка.

В области консонантизма зафиксированы следующие закономерные процессы: переход смычного глухого переднеязычного [т] → в смычный глухой среднеязычный [ч] в интервокальной позиции; назализация среднеязычного звонкого смычного [дь]; переход смычного глухого заднеязычного [к]

→ в увулярный [х]; переход смычного глухого среднеязычного [ч] → в носовой губной [м]; переход смычного глухого среднеязычного [ч] → в фарингальный [h]; чередование согласных [б] и [м]; переход носового губного [м] → в смычный звонкий губной [б]; переход щелевого переднеязычного [с] → в смычный глухой среднеязычный [ч]; переход фарингального [h] → в смычный глухой среднеязычный [ч]; переход смычного звонкого губного [б] → всмычный глухой среднеязычный [ч]; чередование смычных [д] и [т]; назализация среднеязычного звонкого смычного [дь]; палатализация и ассимиляция; выпадение согласных в середине слова; вариативность по удвоению согласных; метатеза.

Полевые материалы

- БВС 2025 — Полевые материалы В. С. Борисовой, запись 2025 г.
 ВАП 2025 — Полевые материалы А. П. Васильева, запись 2025 г.
 МНВ 2025 — Полевые материалы Н. В. Малышевой, запись 2025 г.
 ТНВ 2025 — Полевые материалы Н. В. Турантаевой, запись 2025 г.

Authors' Field Data

- Field data of V. S. Borisova, 2025. (In Yak. and Russ.)
 Field data of A. P. Vasileva, 2025. (In Yak. and Russ.)
 Field data of N. V. Malysheva, 2025. (In Yak. and Russ.)
 Field data of N. V. Turantaeva, 2025. (In Yak. and Russ.)

Источники

- Рукописный отдел ИГИИПМНС СО РАН — Рукописный отдел Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Sources

- Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (SB RAS), Manuscript Department.

Литература

- Афанасьев 1965 — *Афанасьев П. С.* Говор верхожанских якутов. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1965. 176 с.
 Барашков 1961 — *Барашков П. П.* К вопросу о классификации говоров якутского языка // Сборник диалектологических материалов якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1961. С. 7–18.
 БТСЯЯ 2008 — Большой толковый словарь якутского языка: в 15 тт. / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. А. Г. Нелунов, П. А. Слепцов, В. Г. Попов, Н. Н. Васильева, Н. Е. Петров. Т. 5: К. Новосибирск: Наука, 2008. 616 с.

References

- Afanasyev P. S. Verkhoyansk Yakut. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1965. 176 p. (In Russ.)
 Barashkov P. P. More on Yakut dialect classification. In: Collected Yakut Dialectal Materials. Yakutsk, 1961. Pp. 7–18. (In Russ.)
 Nelunov A. G. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 5: K. Novosibirsk: Nauka, 2008. 616 p. (In Yak. and Russ.)

- БТСЯЯ 2009 — Большой толковый словарь якутского языка: в 15 тт. / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. П. С. Афанасьев, В. Д. Монастырев, Ф. Н. Дьячковский, Н. Е. Петров. Т. 6: Л, М, Н. Новосибирск: Наука, 2009. 519 с.
- БТСЯЯ 2010 — Большой толковый словарь якутского языка: в 15 тт. / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. П. С. Афанасьев, В. Д. Монастырев, Ф. Н. Дьячковский, Н. Е. Петров. Т. 7: Нь, О, Ө, П. Новосибирск: Наука, 2010. 518 с.
- БТСЯЯ 2011 — Большой толковый словарь якутского языка: в 15 тт. / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. П. С. Афанасьев, А. Г. Нелунов, Н. Н. Васильева. Т. 8: С. Новосибирск: Наука, 2011. 572 с.
- БТСЯЯ 2012 — Большой толковый словарь якутского языка: в 15 тт. / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. Н. Н. Васильева, Н. И. Данилова, В. Д. Монастырев, М. Д. Куличкина, Е. В. Семенова, И. В. Аммосова. Т. 9: С-һ. Новосибирск: Наука, 2012. 630 с.
- Воронкин 1980 — *Воронкин М. С.* Саха диалектологиятын очерката: Фонетика уонна морфология. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1980. 244 с.
- Воронкин 1999 — *Воронкин М. С.* Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. Новосибирск: Наука; СО РАН, 1999. 197 с.
- ГСЯЛЯ 1982 — Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / под ред. Е. И. Коркиной, Е. И. Убрятовой и др. М.: Наука, 1982. 495 с.
- Даль 1989 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 2: И–О. М.: Русский язык, 1989. 779 с.
- Даль 1991 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 4: Р–В. М.: Русский язык, 1991. 683 с.
- ДАЯЯ 2004 — Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Ч. 1: Фонетика / отв. ред. И. Е. Алексеев, сост. С. А. Иванов. Якутск: ЯФ СО РАН, 2004. 124 с.
- Afanasyev P. S. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 6: Л, М, Н. Novosibirsk: Nauka, 2009. 519 p. (In Yak. and Russ.)
- Afanasyev P. S. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 7: Нь, О, Ө, П. Novosibirsk: Nauka, 2010. 518 p. (In Yak. and Russ.)
- Afanasyev P. S. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 8: С. Novosibirsk: Nauka, 2011. 572 p. (In Russ.)
- Vasilyeva N. N. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 9: С-һ. Novosibirsk: Nauka, 2012. 630 p. (In Yak. and Russ.)
- Voronkin M. S. An Essay in Sakha Dialectology: Phonetics and Morphology. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1980. 244 p. (In Yak.)
- Voronkin M. S. Sakha Dialect System: Education, Interaction with the Standard Language, and Characteristics. Novosibirsk: Nauka, 1999. 197 p. (In Russ.)
- Korkina E. I., Ubryatova E. I. et al. (eds.) Grammar of Modern Standard Yakut: Phonetics and Morphology. Moscow: Nauka, 1982. 495 p. (In Russ.)
- Dal V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols. Vol. 2: И–О. Moscow: Russkiy Yazyk, 1989. 779 p. (In Russ.)
- Dal V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols. Vol. 4: Р–В. Moscow: Russkiy Yazyk, 1991. 683 p. (In Russ.)
- Ivanov S. A. (comp.) The Yakut Dialect Atlas: General Maps. Pt. 1: Phonetics. I. Alekseev (ed.). Yakutsk: Siberian Branch of the RAS (Yakutsk), 2004. 124 p. (In Russ.)

- Диалектологический атлас 2010 — Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Ч. 2: Морфология и лексика / сост. С. А. Иванов, отв. ред. П. А. Слепцов. Новосибирск: Наука, 2010. 177 с.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- ДСЯС 1995 — Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том : содержит около 5 000 слов / сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995. 294 с.
- ДСЯЯ 1976 — Диалектологический словарь якутского языка: содержит свыше 8 500 слов / сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, отв. ред.: П. С. Афанасьев, В. М. Наделяев. М.: Наука, 1976. 391 с.
- Дьячковский 1971 — *Дьячковский Н. Д.* Звуковой строй якутского языка. Ч. 1: Вокализм / отв. ред. М. И. Матусевич. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1971. 191 с.
- Дьячковский 1977 — *Дьячковский Н. Д.* Звуковой строй якутского языка: в 2-х ч. Ч. 2: Консонантизм. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1977. 256 с.
- Дьячковский 1982 — *Дьячковский Н. Д.* Консонантизм якутского языка: (экспериментальное, сравнительно-сопоставительное исследование): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Якутск, 1982. 45 с.
- Иванов 1980 — *Иванов С. А.* Аканье и оканье в говорах якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1980. 184 с.
- Иванов 1993 — *Иванов С. А.* Центральная группа говоров якутского языка. Фонетика. Новосибирск: Наука, 1993. 348 с.
- Иванов 2021 — *Иванов С. А.* Образование диалектной системы якутского языка. Новосибирск: СО РАН, 2021. 256 с.
- Коркина 1992 — *Коркина Е. И.* Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск: Наука, 1992. 268 с.
- Лебедев 1970 — *Лебедев В. Д.* Момский говор эвенского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1970. 20 с.
- Лебедев 1978 — *Лебедев В. Д.* Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. 207 с.
- Ivanov S. A. (comp.) The Yakut Dialect Atlas: General Maps. Pt. 2: Morphology and Vocabulary. P. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2010. 177 p. (In Russ.)
- Nadelyaev V. M. et al. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Russ. and Old Turk.)
- Voronkin M. S. et al. (comps.) Sakha Dialect Dictionary. Supplementary vol. Ca. 5,000 word entries. Novosibirsk: Nauka, 1995. 294 p. (In Yak. and Russ.)
- Afanasyev P. S. et al. (comps.) Yakut Dialect Dictionary. Over 8,500 word entries. P. Afanasyev, V. Nadelyaev (eds.). Moscow: Nauka, 1976. 391 p. (In Russ.)
- Dyachkovsky N. D. Yakut Sound System. Pt. 1: Vowels. M. Matusevich (ed.). Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1971. 191 p. (In Russ.)
- Dyachkovsky N. D. Yakut Sound System. In 2 pts. Pt. 2: Consonants. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1977. 256 p. (In Russ.)
- Dyachkovsky N. D. Yakut Consonant System: An Experimental Comparative Study. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. Yakutsk, 1982. 45 p. (In Russ.)
- Ivanov S. A. Akanye and Okanye in Yakut Dialects. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1980. 184 p. (In Russ.)
- Ivanov S. A. Central Yakut Dialects: Phonetics. Novosibirsk: Nauka, 1993. 348 p. (In Russ.)
- Ivanov S. A. Yakut Dialect System and Its Shaping. Novosibirsk: Siberian Branch of the RAS, 2021. 256 p. (In Russ.)
- Korkina E. I. Northeastern Yakut Dialects. Novosibirsk: Nauka, 1992. 268 p. (In Russ.)
- Lebedev V. D. Moma Dialect of Even (Lamut, Ewen, Orich). Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Leningrad, 1970. 20 p. (In Russ.)
- Lebedev V. D. Language of Yakutia's Evens. Leningrad: Nauka, 1978. 207 p. (In Russ.)

- Малышева 2024 — *Малышева Н. В.* Происхождение лексики живой природы: ономазиология и этимология (якутский язык и его диалекты): дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2024. 413 с.
- Мыреева 2001 — *Мыреева А. Н.* Лексика эвенкийского языка : растительный и животный мир. Новосибирск: Наука, 2001. 101 с.
- Очерк развития 1971 — Очерк развития якутского литературного языка в советскую эпоху. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1971. 142 с.
- Пекарский 1958 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка: в 3 тт. 2-е изд. Т. 1. Вып. 1–4. М.: АН СССР, 1958. 1279 стб.
- Пекарский 1959 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка: в 3 тт. 2-е изд. Т. 2. Вып. 5–9. М.: АН СССР, 1959. 1227 стб.
- Пекарский 1959 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка: в 3 тт. 2-е изд. Т. 3. Вып. 10–13. М.: АН СССР, 1959. 1349 стб.
- Сафронов 1961 — *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XIX вв.) Якутск: Якут. кн. изд-во, 1961. 496 с.
- Сборник диалектологических материалов 1961 — Сборник диалектологических материалов якутского языка / отв. ред. Л. Н. Харитонов. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1961. 130 с.
- ССТМЯ 1975 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / под ред. В. И. Цинциус. Ч. 1. Л.: Наука, 1975. 672 с.
- ССТМЯ 1977 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / под ред. В. И. Цинциус. В 2 тт. Т. 2: О–Э. Л.: Наука, 1977. 992 с.
- ТСЯЯ 2005 — Толковый словарь якутского языка / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. Е. И. Оконешников, Л. А. Афанасьев, П. С. Афанасьев, Г. В. Попов, Н. Е. Петров. Т. 2: Б. Новосибирск: Наука, 2005. 912 с.
- Убрытова 1960 — *Убрытова Е. И.* Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М.: АН СССР, 1960. 151 с.
- Malysheva N. V. Origins of Nature Vocabulary: Onomasiology and Etymology (Yakut and Its Dialects). Dr. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2024. 413 p. (In Russ.)
- Myreeva A. N. Evenki Vocabulary: Flora and Fauna. Novosibirsk: Nauka, 2001. 101 p. (In Ev. and Russ.)
- Petrov N. E. Development of Standard Yakut in the Soviet Era. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1971. 142 p. (In Russ.)
- Pekarsky E. K. Dictionary of Yakut. In 3 vols. Vol. 1. Pts. 1–4. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1958. 1279 cols. (In Yak. and Russ.)
- Pekarsky E. K. Dictionary of Yakut. In 3 vols. Vol. 2. Pts. 5–9. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1959. 1227 cols. (In Yak. and Russ.)
- Pekarsky E. K. Dictionary of Yakut. In 3 vols. Vol. 3. Pts. 10–13. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1959. 1349 cols. (In Yak. and Russ.)
- Safronov F. G. Russian Peasants in Yakutia, Eighteenth – Early Nineteenth Centuries. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1961. 496 p. (In Russ.)
- Kharitonov L. N. (ed.) Collected Yakut Dialectal Materials. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1961. 130 p. (In Yak. and Russ.)
- Tsintsius V. I. (ed.) Comparative Dictionary of the Tungus-Manchu Languages: Materials for an Etymological Dictionary. Vol. 1. Leningrad: Nauka, 1975. 672 p. (In Manchu, Russ., etc.)
- Tsintsius V. I. (ed.) Comparative Dictionary of the Tungus-Manchu Languages: Materials for an Etymological Dictionary. Vol. 2. Leningrad: Nauka, 1977. 992 p. (In Manchu, Russ., etc.)
- Okoneshnikov E. I. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 2: Б. P. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2005. 912 p. (In Yak. and Russ.)
- Ubryatova E. I. Yakut Spoken in Some Districts of the Yakut ASSR: A Comparative Phonetic Study. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. 151 p. (In Russ.)

